

«МИР ПО-ИНОМУ СТРОИТСЯ!»: САМООПИСАНИЕ В ЛИТЕРАТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «МАХОВИК»

Н. С. Журавлева,

*Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Российская Федерация*

Рассматриваются публикации авторов в литературном отделе златоустовского журнала «Маховик» (1923—1926) как своеобразный текст самоописания, самопрезентации времени и пространства. Адресатом, а значит, центром конструирования социальной картины выступают рабочие, которые пишут о себе и для себя. В 1920-е гг. все происходящее вокруг воспринимается как проекция произошедшего революционного переворота и Гражданской войны. Дореволюционная эпоха провозглашается предысторией «Великого Октября». Показывается, что в сферу периодической печати приходит рабочая и крестьянская молодежь, активно получающая образование и стремящаяся к вербальному самовыражению и поиску новых языков, соответствующих требованиям времени. Набор этих языков неизменно располагается на границе литературы и факта.

Ключевые слова: Златоуст, 1920-е гг., советская литература, журнал «Маховик», (само) описание, рабочий класс, Южный Урал.

Журнал «Маховик» (1923—1926) выходил как приложение к газете «Пролетарская мысль» — печатном органе уездного, затем окружного и городского комитетов ВКП (б) в Златоусте. Ее редактор в 1922—1924 гг. Н. Г. Нипоркин (1899—1937), первый профессиональный журналист в истории печати города, выбрал одним из главных направлений в работе укрепление связи с читателем через широкую сеть рабочих и крестьянских корреспондентов. Уже вскоре насчитывалось около 150 рабкоров. Это обстоятельство вкупе с вызовами «Эпохи Великого Поиска» (В. П. Катаев) определили создание журнала, ориентированного на рабочих. В 1923 г. при редакции «Пролетарской мысли» вышел в свет первый номер ежемесячного журнала «Маховик», ставшего своеобразным центром литературного творчества и инженерно-технической мысли в городе.

Рождение «Маховика», ставшего первым журналом Южного Урала, объяснялось следующим: обеспечение рабочих в популярном журнале; малодоступность московских изданий; скудость творческой интеллигенции и социокультурной базы в целом. В дальнейшем «Маховик» способствовал зарождению местного литературного движения, став коммуникативной площадкой для начинающих авторов. 18 октября 1925 г. в газете «Пролетарская мысль» появилась первая литературная страничка, а 13 февраля 1927 г. при редакции возникло первое литературное объединение Златоуста «Мартен», существующее до сих пор. В литературном отделе «Маховика» сотрудничали будущие «мартеновцы» С. Иванов (Южный), С. Колосницын, И. Приблудный, П. Феоктистов, С. Фомин, П. Трегубенков, П. Баранов. Здесь дебютировал с поэзией Н. И. Харитонов — крупная фигура в уральском литературном движении 1930-х гг.: он участвовал в создании журналов «Рост» (позднее — «Штурм») и «За Магнитострой литературы», являлся одним из организаторов и первым секретарем Свердловского отделения Союза советских писателей СССР.

Идея создания подобного журнала возникла у рабочих, которые указали редакции на необходимость

помочь им в ознакомлении со многими вопросами производства. Отсюда — из четырех разделов самым значительным стал «Наше производство», а самый меньший по объему — литературный. В последнем чаще других публиковались сочинения столичных авторов, однако читатель мог познакомиться и с творчеством местных самородков. Их литературные произведения посвящались преимущественно событиям недавнего прошлого. Вполне закономерно, что в них актуализировалась память о лишениях эпохи «военного коммунизма» и, прежде всего, о последствиях голода 1921—1922 гг. Не случайно, что первым в дебютном выпуске вышло сочинение К. Просветова «В тяжелые дни. Рассказ из голодного времени». В нем показано, как работники, ремонтирующие железнодорожные пути, пытаются выжить: суп из щавеля, ловля голубей, даже кража коровы. Один из них высказывает сомнения в адрес советской власти: мол, мы — пролетариат, но скоро «с голоду подохнем». Тем самым подчеркивалось, что именно рабочий класс — главная социальная база новой власти. И хотя аналогичная катастрофа затронула все слои общества, именно «низы» (пролетариат, крестьяне, солдаты, матросы), поддержавшие большевиков, оказались в самой тяжелой ситуации. Герой-коммунист так объясняет причины случившегося: «Мы попали на хозяйство, которое было разграблено и расхищено. Начали мы это с пылу по гвоздику так дружно сколачивать. Этим временем буржуи воспользовались и пошли войной. А когда бросились защищаться, то хозяйство еще сильнее пошатнулось. Теперь вот голод...» [16, с. 3]. Причем, показано, что среди причин произошедшей социальной катастрофы доминируют классовые антагонизмы, а вовсе не политические противоречия. В числе прочего таким способом советская власть пыталась оправдать трудности не только недавнего прошлого, но и нынешнего процесса реконструкции народного хозяйства. И шире: большевики стремились представить революцию и ее исход в таком ключе, чтобы жертвы и лишения последних лет не казались бессмысленными. Этот оптимизм в

отношении будущего оказался подхвачен «снизу». Многим сочинениям не присущи настроения обреченности, в них, как правило, признаются задачи, которые требуют успешного решения: «Гибель разрухе несем и подтянемся, / Нам трудно бороться, но мы победим» [25, с. 22]. Вполне очевидно, что в условиях дефицита материальных ресурсов модернизация страны не могла обойтись без жертв.

Гражданская война зачастую описана как «непрошедшее прошлое», причем, нередко демонстрируется неоднозначное отношение к большевикам. Так, в рассказе Просветова описан «красный» завод, которому грозит захват чехами. Слесарь Кондрат поначалу отказывается с ними воевать, но затем погибает в окопах, уничтожив из пулемета много врагов. Обычная история героизма на первый взгляд. Однако текст показывает, что Кондрат, скорее, борется за свободу своего завода и прилегающего поселка, нежели за марксизм. Он признается, что не в ладах с «большевичиной», презрительно подчеркивая, что «гольтяпня-то заводская вся за большевиков» [18, с. 4]. И когда ему поручают взорвать завод, чтобы тот не достался чехам, он убивает мастера, который подговорил его на это преступление.

Из рассказа «Рельсы в глуши» вообще явствует, что многие группы населения не видели разницу между политическими идеологиями в период Гражданской войны. В частности, старик Аввакум признает, что деревенские сначала не могли понять, кого поддерживать — «красных» или «белых»: обе стороны воевали за свободу. Но его мнение меняется после беседы с «красными» пленными, убеждавшими, что они воюют за лучшую жизнь. «Белый цветочек начал вянуть и вянуть, а наш красный цветочек все разворачиваться и разворачиваться, потом белый в песках где-то совсем засох» [24, с. 5]. — так образно старик резюмирует итоги войны. Все это противоречит постулату, что идеи коммунизма сразу завоевали широкие массы.

На страницах «Маховика» отразилась актуализация идеологии «образ врага» (белогвардейцев, в частности), нацеленная на сплочение и мобилизацию общества, отвлечение населения от повседневной рутины. Более того, за несколько лет произошла эволюция этого образа. Далекие от отрицательных оценки противников большевиков сменяют коннотации «черно-белой» гаммы. В частности, Просветов при описании армии атамана Дутова применяет нелицеприятные портретные и поведенческие характеристики (грязные лица, красные от пьянства носы, запыленные чубы) [17, с. 13]. У П. Озорнина рядовой отряда «белых» выглядит мародером: женские ботинки, штаны в лоскутах, гусь за пазухой [13]. Эти образы представляют, скорее, лично-бытовой уровень, нежели официально-пропагандистский. Между тем, в поэме Л. Шелест показаны зверства белогвардейцев в отношении девушки, которая даже во время пыток не выдала список коммунистов: «Каждую ночь на рассвете / Тонко нагайка пела, / Белогвардейские плети / Кожу сдирали с тела» [30]. Итог — героиню и еще двадцать три человека расстреляли: «Сколько их гордых погибло, / Гордых и сердцем лихих!» [30]. Апелляция к теме насилия — один из главных методов в репрезентации

образа врага. Эффект усиливает демонстрация благородства героев, гибнущих за высокие идеалы. Все это прочерчивает для читателя пространство «мы — они» («свои — чужие»), создавая оппозицию, играющую решающую роль в формировании любого сообщества.

Между тем, лидировала среди сочинений в «Маховике», несомненно, тема революции. Именно ей посвящалось значительное количество стихов. Но, по мнению рецензента, они были самыми слабыми: «Не потому что в них мало искренности, а потому что каждый рабочий слышал много речей, читал много газетных статей — и злоупотребляет общими фразами» [12, с. 20]. Показательно, что сочинения о революции сопровождаются ликованием, ведь она есть источник преобразования, созидания, исчезновения мрака, перехода к добру, счастью — всему тому, что символизирует солнце: «Взошел над Русью светлым солнцем Красный Октябрь... Светом повеял и жизнью» [13, с. 4]. Причем, этим сиянием советская Россия озаряет и другие страны, поддерживая революционные движения в мире, в частности, германских рабочих.

В этой связи вполне очевиден интерес авторов к истокам русской революции и, в частности, к «декабрьской заре» как провозвестнику 1917 г.: «Россия вспрыгнула, нахмурилась, / К грозе громовой Октября» [2]. Автор подчеркивает беспрецедентность этих событий в истории человечества, показывая, что именно Россия сумела воплотить идеи европейских радикально-демократических движений: «Пронесшийся Европой шквал / От стен разрушенных Бастилий / До Петербурга долетал» [2]. Герой рассказа «Рельсы в глуши» семидесятилетний Аввакум, побывавший прежде в различных уголках империи, признается, что, не взирая на старость, он отправится в путь, чтобы посмотреть на «Красную Россию, на мать, родившую такую дочку — как свобода» [24, с. 2]. Он говорит: «Ведь пятьдесят лет я ждал этих родов, да еще и не от России... куда, мол, нам вохлакам, это сподручнее французу, или немцу, а она в Петрограде!..» [24, с. 2].

Мотив революции как источника освобождения закономерно дополняется идущими от Пролеткульта идеями преобразования среды и жизненных обстоятельств на основе технического прогресса. Модернизация превращала машину в род новой высшей реальности, заменившей собой старую — Природу. Революция, как пишет современный философ В. А. Подорога, есть процесс творения новой мегамашины: «Разве она могла стать возможной, если бы не обладала такой машиной, способной разрушить прежний политический строй» [15, с. 22]. Показателен в этом смысле выбор златоустовцами названия журнала: маховик придает движение двигателю, сообщает инерцию. Это вращающееся колесо накапливает энергию машины и позволяет создавать новый опыт, упраздняя тяжелый физический труд. Происходит обожествление пролетария, естественная среда которого — завод, кузница: «Гам и шум, / Пылом кузницы / Дышу... / Искробрызги, / Роем, роем, Молот мызгнет...» [23, с. 4]. Это умелец, мастер, работающий с обязательным применением машины. Еще это «кузнец своего счастья».

Отсюда — господство идей машинизма, т. е. приобретение человеком свойств машины: «Машина — не то, чем управляют, а часть среды, некое материальное бессознательное социума, в котором развивается образ самого человека, ставший машинным» [23, с. 23]. Такой антропоморфизм ярко выражен в стихотворении В. Соловьева «Турбина». Эта лопаточная машина обладает «медным сердцем», у нее есть «пара контрольных ламп / как два кровью налитых глаза» [19]. Витализм уступает место механицизму: «Голоса незаметных людей отыщи, / сквозь шум металлической груди» [19]. Воспевается новая реальность человека: «Охватила турбина весь город / лабиринтами медных жил, — / Сталью твердый кирпич вспорот, / И в гранитах пробиты меж» [19]. Фатально меняется сущность людей. Рабочий показан человеком, которому присущи такие качества как, скорость, дисциплинированность, динамизм, механицизм: «Когда быстр и четок машины ход, / И стремителен бег ремня, / Машинист вспоминает, как длинный год / Он укладывал в рамки дня» [7]. В этом смысле человек так же, как машина, работает в определенном режиме. Он перенимает главное качество машины — способность повторять одну и ту же операцию в одном и том же ритме и с одинаковым результатом. Это неизбежно порождает механизацию чувственности и всех возможностей восприятия («деантропологизация мира» [23, с. 23]). Человек обретает свойство материи.

Современный литературовед И. Е. Васильев называет концепты «металл» и «огонь» текстообразующими реалиями в пореволюционной литературе Урала, прежде всего, в поэзии [3, с. 238]. Репрезентация образа Урала вследствие развития горнодобывающей и сталелитейной промышленности в целом отражает «бренд» региона. Металлургические предприятия олицетворяют союз огня и металла. Огонь — некое первоначало, источник движения, развития, зачастую резких перемен. В этом он созвучен природе революции. Огонь неразрывно связан с металлом, обладая способностью придавать ему новую форму и закалку. Метафоры стали и железа после революции оказались особо востребованными при атрибуции людей стойких, последовательных, негибаемых. Уподобление металлу и огню передают, в том числе, «уральский менталитет». Рабочие Урала называются «семьей закопченных людей», а их труд — «пляской летящих ремней» [4]. Даже завод обретает собственный голос («медные трели гудков, / певучесть стального привода, / рокот гудящих станков») [4, с. 11]. Здесь, на Урале, звучит особенная музыка: «Необузданные дебри гор, где над снежным кварцевым / покровом / развеселился гудковый хор» [27]. «В ушах от постоянного уличного шума загудят хронические перезвоны» [24, с. 1].

Отсюда — некоторая монополизация уральцев на самописание производственного процесса. Они критикуют многих пролетарских авторов, совсем не знакомых со спецификой промышленности: «Там, в Москве, не зная домны, // Поэт поет про свист колес. // На Урале дни как бревна...» [1]. По мнению рецензентов, выбор производственных тем авторами «Маховика» выявлял пролетарский характер Юж-

ного Урала: «В других городах редакции не знают, куда деваться от институток, пишущих бездарные рифмы насчет «святой любви», «роз», «слез», «грез» и прочих надоевших перепевов старых романсов» [12, с. 21].

При этом показано, что «искр железное цветенье» — вовсе не для женщин. Так, Трегубенков рассказывает историю девушки, работавшей на заводе, но умершей от чахотки. Подчеркивая ее прилежность в труде, автор все-таки признает, что «девичьи руки, плечи / Железу не родня» [21]. Он наблюдает, как «вянет тихо нежность — / бледней лицо ее». Однако автор любит девушкой, причастность к производственному процессу делает ее прекрасной. Ведь наступает эпоха восприятия машины как эстетического объекта, как решающего фактора в формировании новой среды, художественной в том числе. С другой стороны, женский труд становится атрибутом смены вех, отказа от различного рода зависимостей, в том числе гендерных, прекращения действия ограничений, приобретения адекватных прав и обязанностей. В частности, в стихотворении «Катюша» речь идет о девушке, которую в прежние времена — «заплесневевшее гнилье старье» — ударил мастер. Ныне же ее выбрали членом в Горсовет [26].

Эстетизацию и поэтизацию борьбы с косной материей вследствие революционных преобразований советского социума в числе прочих отразил концепт человеческой переплавки, «перековки», перерождения. Правда, тексты «Маховика» свидетельствуют, что подобный генезис коснулся пока отдельных персонажей, которые стремятся вобрать окружающих в личное пространство перемен. Например, башкирин Акберды, получивший образование в Москве, читавший Маркса, возвращается домой в степь с целью просвещения земляков [10]. Или портной Арагин, работавший до революции на хозяина, злоупотреблявший алкоголем, в советское время назначается библиотекарем как один из немногих грамотных в деревне, прекращает пьянствовать [8]. Старик Аввакум в одной из глухих башкирских деревень сколачивает пионерский отряд, учит их пять новых песни, «ходить в ногу, писать по-русски “Ленин”, и в результате чего они почти все ближайшие деревья поместили этим именем» [24, с. 3]. Его односельчане-башкиры даже перестают бояться «шайтан-машины» (железной дороги). До революции «в бабьем стане, да и ребячьем реве, как утопленник в тине, барахталась жизнь этих деревень. Занимались-ли башкиры когда посевом? А теперь свои и картошка и овес» [24, с. 3]. Для Аввакума рельсы в глуши, узкоколейка, символизируют грядущие перемены в башкирской деревне. Он верит, что лет через пять она ширококолейкой станет: «А гарантией этого может служить одно название местности «Урал», здесь такое богатство лесов и руд, что будущего Урала без большого числа металлургических заводов и представить нельзя» [24, с. 5]. Регион в этом смысле предстает одним из ключевых в грядущей индустриализации.

Лейтмотивом почти всех сочинений звучит суждение о том, что наступает время новых возможностей. Так, Харитонов вспоминает, что в

отрочестве даже не мог предположить, что скоро «костры не полевые / растут в сердце алый жар, / что новый путь для парня вылит / к незамиасским рубежам» [29]. Революция 1917 г. воспринимается как пространство вариантов для всех социальных групп. Как правило, положить конец старому патриархальному быту пытаются представители молодой части общества, наиболее активной, а главное — свободной от груза прошлого: «Мир по-иному строится! / Нам отцовский наказ не закон! / Без него и беззубой троицы / Мы сумеем прожить легко!...» [28]. Приверженность церкви признается атрибутом «темных веков» в противовес эпохе «коммунистического Просвещения». Борьба за новый советский быт и передовое мировоззрение обязательно включала дискредитацию религии в глазах верующих, для чего применяется широкий диапазон метафор, связанных со смертью вроде этой фразы «Машет золотым крестом синяя, как чахоточный труп, церковь» [18, с. 7].

Противоречия между молодежью и стариками не исчерпывались лишь поколенческим конфликтом. Хотя он остро обозначился во многих семьях вследствие резкой смены ценностной парадигмы в среде юношества. В частности, Трегубенков описывает девушку, влюбившуюся в комсомольца-матроса, отношения с которым не одобряет «старорежимный» отец («сняты ему хутора — / десятины, овины, храм божий» [20]). Между тем, в литературе 1920-х гг. любовные переживания вытесняются на периферию, превращаясь всего лишь в фон, на котором разворачивается главный конфликт. Девушка уже во власти иных идеалов: «Мне не надо богатство, цветов / влюбилась в семью комсомольцев. / Лучше связок амбарных ключей / (Где наживой отца жадность вспенена), / Комсомольские звоны речей / Под улыбкою солнечной Ленина» [20]. В другом стихотворении Трегубенкова конфликт отцов и детей оборачивается трагедией. Комсомолец отказывает девушке из-за ее «мелкобуржуазного» происхождения. Родители свагуют ее в «чужой богатый дом», чтобы сделать дочь «статьей доходною» [22]. В итоге героиня утопилась.

В этом произведении также затронута тема поляризации общества вследствие НЭПа, возродившего некоторые элементы капитализма, в том числе, эксплуатацию. Обнищание основной массы крестьян нередко оборачивалось насилием в отношении семей, которые «надували бедняков». В бытовом очерке Озорнина описана история борьбы крестьян с такими «кровопийцами» и «ожившими толстопузами». По случаю праздника деревни на улицах оказалась пьяная толпа, которая направилась в сторону дома зажиточного мужа Савельева. В его доме разбили стекла и сломали ворота. «Смутяны... народ смутянить. Передела им не надо <...> Нет, не то время, чтобы им верховодить» [14, с. 9], — так старейшины деревни оценивают причины погрома, одобряя подобные радикальные методы.

Таким образом, литературный материал журнала «Маховик» можно рассматривать как своеобразный текст самоописания, самопрезентации времени и пространства, картины быта и бытия человека, живущего в нем. Реконструкция воз-

можных языков самоописания позволяет выявить динамику развития нарратива под воздействием общественно-политических событий. В 1920-е гг. все происходящее вокруг воспринималось как проекция произошедшего революционного переворота и Гражданской войны. Складывается новый эпос, раскрывающий исторический смысл этих рубежных событий в истории России и всего человечества. Этот дискурс доминировал над всеми остальными в советском обществе вплоть до ВОВ.

По мнению историка И.В. Нарского, после пережитого «современники приняли с пониманием предложение большевиков представить жизнь во время революции как непрерывное и сознательное героичество. По этой причине переосмысление недавнего былого проходило не только “сверху”, но и “снизу”. Оно позволяло найти смысл неожиданно ставшей бессмысленной жизни и перекодировать и героизировать индивидуальный опыт» [11, с. 155].

Адресатом, а значит, центром конструирования социальной картины выступают в журнале рабочие, которые пишут о себе и для себя. Революция вовлекла в орбиту своего притяжения широкие массы населения, прежде далекие от культурной сферы. Революция как наивысшая реальность меняет не только время и пространство, но даже природу: «в небе кумачевый всполох / разбросал меж облаков цветы» [27]. Однако стоит подчеркнуть, что историко-революционная тема оказывается менее раскрытой, чем производственная.

Репрезентация центрального персонажа (рабочего) в «Маховике» опирается на использование металлургических образов. Предпринимаются первые попытки наделяния этими свойствами коммунистов, но пока их — немного среди героев, они сотканы из сомнений, лишены качеств, свойственных железу и пламени. Да и образы самих рабочих — двойственны: большинство из них еще не покончили с деревенским образом жизни и мировоззрением. Вследствие этого языковая специфика большинства авторов заключена в использовании, с одной стороны, простонаречий, диалектов и даже ненормативной лексики, а с другой — узкоспециальных технических терминов, связанных с индустрией.

Многим текстам сопутствуют неоднозначные оценки политики большевиков, особенно из-за голода. Признается, что за годы революции и Гражданской войны произошло крушение властных структур, наступила анархия. Разрушилась нормальная повседневность. Показано, что далеко не все персонажи являют собой адептов коммунистической веры. Это, помимо прочего, подтверждает и многочисленность героев-коммунистов в сочинениях. Безусловно, авторы пытаются донести до читателей, что пролетариат есть главная социальная база большевиков: он динамично развивается, представляет собой организованную силу, в царской России его экономически ущемляли. Однако им не удается показать рабочих идейными борцами. В частности, согласно «Песне рабочего поэта» П. Есельсона складывается впечатление, что героя-машиниста случайно «закрутил революции вал». Возвратившись с полей Первой мировой войны в 1918 г., он оказывается никому не нужен, жена

выходит за другого. Оттого он возвращается опять «огневую встречать весну» Причем, в стихотворении не уточнено, за какую группировку он воюет, вероятно, за «красных» в силу пролетарского происхождения.

Все это подтверждает тезис современного искусствоведа В. В. Гудковой о том, что период 1921—1927 гг. стал самым свободным, в том числе в творческом отношении, промежутком. Это, безусловно, определялось спецификой НЭПа — решением многих бытовых вопросов и разрешением разнообразных частных инициатив во всех сферах общественной жизни, в том числе, художественной. Исследователь отмечает: «В начале и даже середине 1920-х многое открыто, проявлено. Шумно заявляет о себе и та проблематика, которая станет вскоре невозможной к “публичному богослужению” (формула М. Горького), когда станут отсекаются не только темы и герои, запрещаться — слова» [5, с. 10].

Анализ произведений «Маховика» показывает, что еще не была институционализована память о революции. Это произойдет в сталинский период, и будет выражено в культуре т.н. «большого стиля». Однако по мере постепенного возвращения к мирной жизни начинается постепенная сакрализация начатых властью преобразовательных процессов (решение земельного и национального вопросов, индустриализация, строительство изб-читален, борьба с предассудками, эмансипация женщин, борьба с алкоголизмом и пр.). Большинство текстов описывают советскую Россию первой половины 1920-х гг. Если текстам и свойственен экскурс в прошлое, то он интерпретируется как приготовление к новой жизни. Дореволюционная эпоха провозглашается предысторией «Великого Октября».

Дифференциацию общества заново в 1920-е гг., в том числе, отражает конфликт протагонистов (коммунисты, рабочие, комсомольцы, рабкоры, солдаты, матросы) и антагонистов (верующие, зажиточные крестьяне, белогвардейцы, «старорежимные» родители). Вслед за новыми характерами, а точнее, вместе с ними неизбежно появляются и небывалые ранее конфликты, рассказываются невозможные прежде истории. При этом, в отличие от литературы и драматургии 1920-х гг., златоустовцы дают мало образов «новых женщин». Это, вероятно, объяснялось тяжестью работы на заводе, кроме которого, других сфер реализации пока не было на Южном Урале до первых пятилеток. Вследствие ликбеза и создания учебных заведений советские женщины смогут занять любую должность в советском социуме.

Отдельные произведения «Маховика» представляют производственный жанр, отражающий изменения духовного облика страны. Завод становится культовой постройкой, не только в переносном, но и в прямом смысле. В целом, читатели могут наблюдать процесс рождения советских сюжетов. Между тем, анализ произведений показывает, что авторы стремились не просто адаптировать предложенный «сверху» дискурс (вербальный и визуальный), но и дать собственные варианты рационализации «своего» места. Очевидно, что идентичность Урала вообще и его южной части определена промышленным освоением края. Почти каждый городок здесь можно

описать так: «У горы наш завод притулился, / Рядом с ним протекает река» [4]. Атрибутом самоописания уральского ландшафта неотъемлемо выступают очертания труб: «Виднелась одинокая в строгости заводская труба с распластанным синим дымом, как у голландской рыбачки по ветру платок, вслед уходящему в море мужу и сыну» [9, с. 2]. Между тем, регион представлен как уникальный паттерн, чрезвычайно богатый различными ресурсами (природными, людскими) и памятью о минувшем. Урал показан этнически пестрым, кросскультурным, поликонфессиональным. «Бархатные горы», «седые утесы», «простор приуральских лугов / расстелился ковром к небосводу» — эти и другие эпитеты поэтизируют уральское пространство. Один автор даже признается, что ему «милее бешеная вьюга / на хребтах сурового Урала», чем «вечеровая прелесть» Крыма [27]. Все это не позволяет сложиться впечатлению, что Южный Урал занимал мало места в пространстве России.

Самописание есть совокупность представлений, которые можно увидеть в текстах. Всякое описание выступает преимущественно как современное. Время определяет и предмет интереса. В этом смысле произведения показывают, как ускоряется время. «Ветер перемен» описал еще нарком просвещения А. В. Луначарский: «В прежнее время можно было уснуть, два года проспать и, проснувшись, продолжать жить, как ни в чем не бывало. Жизнь ехала, как колымага, а сейчас она бешено мчится. События за событиями, кризис за кризисом, — и наша эмоциональная жизнь, бесспорно, более кипуча, ярка и разнообразна...» [6, с. 99]. Причем, самыми пластичными в этом смысле оказываются молодежь и дети. Именно они воспринимаются как будущие строители, «парничок», как называл один из героев Аввакум пионеров. Для первостроителей СССР будущее парадоксально оказывалось более вещественным, неизбежным и даже реальным, нежели настоящее, а тем более прошлое.

Невзирая на слабость и самодеятельность львиной доли текстов, они по-своему показательны. Они отражают историко-литературные тенденции эпохи и изображают героев и антигероев в качестве производных от времени и пространства. Нарративу присущи наличие апелляции к современности и позиция автора. «Маховик» продолжает зародившуюся на рубеже веков традицию «газетной» (точнее, «журнальной») литературы с такими присущими чертами как документальность, фотографичность, простота, понятность. Но уже с новой советской «начинкой», ориентируясь на текущую повседнежность и широкого читателя. В журнале отражается один из трендов первой половины 1920-х гг., а именно: приход в мир периодической печати рабочей и крестьянской молодежи, активно получающей образование и стремящейся к вербальному самовыражению и поиску новых языков, соответствующих требованиям времени. Набор этих языков неизменно располагается на границе литературы и факта.

Это во многом любительское творчество создавало очаги собственной общественно-культурной жизни, способствовало консолидации и вызреванию собственных литературных сил и авторов. Как и мно-

гие издания периодической печати, малочисленные в провинции, после эпохи «военного коммунизма», в период до и после революции, журнал «Маховик» начинает выполнять в Златоусте функцию создания и организации публичного пространства, участвует в формировании самосознания региона и его общей культуры.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века»

Литература и источники

1. А. М. В Златоуст / М. А. // Маховик. — 1925. — № 2. — С. 17.
2. Большаков, К. Четырнадцатое декабря / К. Большаков // Маховик. — 1926. — № 1. — С. 8.
3. Васильев И. Е. «Огонь» и «металл» как текстообразующие реалии в пореволюционной поэзии Урала / И. Е. Васильев // Литература Урала: история и современность : сб. ст. — Вып. 4: локальные тексты и типы региональных нарративов ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. — С. 238—244.
4. Гошка-комсомолец. Опять к станку // Маховик. — 1926. — № 2. — С. 11.
5. Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х — начала 1930-х годов / В. В. Гудкова. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 453 с.
6. Добренко Е. Красный день календаря: советский человек между временем и историей / Е. Добренко // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Ханса Гюнтера ; под ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова. — СПб. : Академический проект, 2002. — 448 с.
7. Есельсон П. Песня рабочего поэта. Под стук поршня / П. Есельсон // Маховик. — 1925. — № 12. — С. 7.
8. Модный, П. Алексей Арагин / П. Модный // Маховик. — 1926. — № 4. — С. 2—3.
9. Мор, А. Расстрел Фридриха Крауса / А. Мор // Маховик. — 1925. — № 2. — С. 2—4.
10. Морисон, А. Эрем (песнь степи) / А. Морисон // Маховик. — 1924. — № 9. — С. 1—3.
11. Нарский, И. В. Октябрьская революция 1917 года в советской и российской коллективной памяти / И. В. Нарский // Вестник ВЭГУ. — 2017. — № 2 (88). — С. 151—164.
12. Новогрудский, Н. Рабочее творчество / Н. Новогрудский // Маховик. — 1923. — № 4. — С. 19—21.
13. Озорнин, П. Михайловка / П. Озорнин // Маховик. — 1925. — № 11. — С. 2—4.
14. Озорнин, П. Смутьяны: бытовой очерк / П. Озорнин // Маховик. — 1925. — № 11. — С. 8—9.
15. Подорога, В. Ното ех машина. Авангард и его машины. Эстетика новой формы / В. Подорога // Логос. — 2010. — № 1 (74). — С. 22—50.
16. Просветов, К. В тяжелые дни. Рассказ из голлодного времени / К. Просветов // Маховик. — 1923. — № 1. — С. 1—4.
17. Просветов, К. Меркул (эпизод из комсомольского прошлого) / К. Просветов // Маховик. — 1924. — № 2. — С. 12—15.
18. Просветов, К. Почему работал пулемет / К. Просветов // Маховик. — 1924. — № 10. — С. 3—9.
19. Соловьев, В. Турбина / В. Соловьев // Маховик. — 1925. — № 4. — С. 13.
20. Трегубенков, П. Из клуба / П. Трегубенков // Маховик. — 1926. — № 4. — С. 7.
21. Трегубенков, П. Одна из многих / П. Трегубенков // Маховик. — 1926. — № 5. — С. 10.
22. Трегубенков П. Песня // Маховик. — 1926. — № 4. — С. 7.
23. Трегубенков, П. Песня искр / П. Трегубенков // Маховик. — 1926. — № 4. — С. 4.
24. Три-Зе, М. Рельсы в глуши / М. Три-Зе // Маховик. — 1925. — № 9. — С. 1—6.
25. Уткин. Прокатчики / Уткин // Мартен. — 1924. — № 2. — С. 22.
26. Феоктистов, П. Катюша / П. Феоктистов // Маховик. — 1926. — № 5. — С. 10.
27. Харитонов, Н. В Крыму / Н. Харитонов // Маховик. — 1925. — № 10. — С. 3.
28. Харитонов Н. Любовь полевая // Маховик. — 1925. — № 9. — С. 7.
29. Харитонов, Н. Ночное / Н. Харитонов // Маховик. — 1925. — № 10. — С. 7.
30. Шелест, Л. Из поэмы «Дни» / Л. Шелест // Маховик. — 1926. — № 7. — С. 5.

ЖУРАВЛЕВА Нелли Сергеевна, доцент кафедры истории России, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). E-mail: zhurnell@mail.ru.

Поступила в редакцию 30 августа 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180403

«THE WORLD ON-INSIDE IS BUILT!»: SELF-DESCRIPTION IN THE LITERARY-TECHNICAL JOURNAL «MAKHOVIK»

N. S. Zhuravleva, zhurnell@mail.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The author's publications in the literary department of the Zlatoust magazine «Makhovik» (1923–1926) are considered as a kind of text of self-description, self-presentation of time and space. The addressee, and hence the center of the construction of the social picture are the workers who write about themselves and for themselves. In the 1920s. everything that happens around is perceived as a projection of the revolutionary revolution and the Civil War that has taken place. The pre-revolutionary

era is proclaimed the prehistory of the «Great October Revolution». It is shown that in the sphere of periodical press comes the working and peasant youth, actively receiving education and striving for verbal expression and the search for new languages, that meet the requirements of the times. The set of these languages, is invariably located on the border of literature and fact.

Key words: Zlatoust, 1920s, Soviet literature, "Makhovik" magazine, (self) description, working class, South Ural.

References

1. A.M. V Zlatoust // Mahovik. — 1925. — № 2. — S. 17.
2. Bolshakov K. Chetirnadcatoe dekabrya // Mahovik. — 1926. — № 1. — S. 8.
3. Vasilev I.E. «Ogon» i «metall» kak tekstoobrazuyuschie realii v porevoluyicoonoi poezii Urala // Literatura Urala: istoriya i sovremennost: sb. st. Vip. 4. Lokalnie teksti i tipi regionalnih narrativov / In-t istorii i arheologii UrO RAN. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2008. — 496 s. S. 238 — 244.
4. Goshka-komsomolec. Opyat k stanku // Mahovik. — 1926. — № 2. — S. 11.
5. Gudkova V.V. Rojdenie sovetskikh syujetov: Tipologiya otechestvennoi dramy 1920 h — nachala 1930 h godov. — M.:Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. — 453 s.
6. Dobrenko E. Krasnii den kalendarya: Sovetskii chelovek mejdu vremenem i istoriei // Sovetskoe bogatstvo: Stati o culture, literature i kino. K 60-letiyu Hansa Gyuntera / Pod red. M. Balinoi, E. Dobrenko, Yu. Murashova. — SPb.: Akademicheskii proekt, 2002. — 448 s.
7. Eselson P. Pesnya rabocheho poeta. Pod stuk porshnya // Mahovik. — 1925. — № 12. — S. 7.
8. Modnii P. Aleksei Aragin // Mahovik. — 1926. — № 4. — S. 2 — 3.
9. Mor A. Rasstrel Fridriha Krausa // Mahovik. — 1925. — № 2. — S. 2 — 4.
10. Morison A. Erem (Pesn stepi) // Mahovik. — 1924. — № 9. — S. 1 — 3.
11. Narskii I.V. Oktyabrskaya revolyuciya 1917 goda v sovetskoi i rossiiskoi kollektivnoi pamyati // Vestnik VEGU. — 2017. — № 2 (88). — S. 151 — 164.
12. Novogrudskii N. Rabochee tvorchestvo // Mahovik. — 1923. — № 4. — S. 19 — 21.
13. Ozornin P. Mihailovka // Mahovik. — 1925. — № 11. — S. 2 — 4.
14. Ozornin P. Smutyani (bitovoi ocherk) // Mahovik. — 1925. — № 11. — S. 8 — 9.
15. Podoroga V. Homo ex machina. Avangard i ego mashini. Estetika novoi formi // Filosofsko-literaturnii jurnal Logos. — 2010. — № 1 (74). — S. 22 — 50.
16. Prosvetov K. V tyajelie dni. Rasskaz iz golodnogo vremeni // Mahovik. — 1923. — № 1. — S. 1 — 4.
17. Prosvetov K. Merkul (epizod iz komsomolskogo proshlogo) // Mahovik. — 1924. — № 2. — S. 12 — 15.
18. Prosvetov K. Pochemu rabotal pulemet // Mahovik. — 1924. — № 10. — S. 3 — 9.
19. Solovev V. Turbina // Mahovik. — 1925. — № 4. — S. 13.
20. Tregubenkov P. Iz kluba // Mahovik. — 1926. — № 4. — S. 7.
21. Tregubenkov P. Odna iz mnogih // Mahovik. — 1926. — № 5. — S. 10.
22. Tregubenkov P. Pesnya // Mahovik. — 1926. — № 4. — S. 7.
23. Tregubenkov P. Pesnya iskr // Mahovik. — 1926. — № 4. — S. 4.
24. Tri Ze M. Relsi v glushi // Mahovik. — 1925. — № 9. — S. 1 — 6.
25. Utkin. Prokatchiki // Marten. — 1924. — № 2. — S. 22.
26. Feoktistov P. Katyusha // Mahovik. — 1926. — № 5. — S. 10.
27. Haritonov N. V Krimu // 1925. — № 10. — S. 3.
28. Haritonov N. Lyubov polevaya // Mahovik. — 1925. — № 9. — S. 7.
29. Haritonov N. Nochnoe // Mahovik. — 1925. — № 10. — S. 7.
30. Shelest L. Iz poemi «Dni» // Mahovik. — 1926. — № 7. — S. 5.

Received August 30, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Журавлева, Н. С. «Мир по-иному строится!»: самописание в литературно-техническом журнале «Маховик» / Н. С. Журавлева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 4. — С. 25—31. DOI: 10.14529/ssh180403

FOR CITATION

Zhuravleva N. S. «The world on-inside is built!»: Self-description in the literary-technical journal «Makhovik». *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 4, pp. 25—31. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180403